

Путь жизненный пройдя до половины,
Опомнился я вдруг в лесу густом,
Уже с прямой в нем сбившихся тропины.

Есть что сказать о диком лесе том:
Как в нем трудна дорога и опасна;
Робеет дух при помысле одном,

И малым чем смерть более ужасна.
Что к благу мне снискал я в нем, что зрел
Все расскажу, и повесть не напрасна.

Не знаю сам, как я войти сумел;
Так сильно сон клонил меня глубокий,
Что истого пути не усмотрел.

Но у горы подножия высокой,
Где бедственной юдоли сей конец,
Томившей дух боязнию жестокой, —

Взглянул я вверх: и на холме венец
Сиял лучей бессмертного светила,
Вожатая заблудшихся сердец.

Тут начала слабость испуга сила,
Залегшего души во глубине,
Доколе ночь ее глухая тмила;

И как пловец чуть дышащий, но вне
Опасности, взор с берега обращает
К ярящейся пожрать его волне, —

Так дух мой (он еще изнемогает)
Озрелся вспять на поприще взглянуть,
Которым жив никто не протекает.

Усталому дав телу отдохнуть,
Пошел я вновь, одной ноге другою
Творя подпор и облегчая путь.

И вот, почти в начале под горою,
Проворный барс и скачет и кружит,
Красуясь одежды пестротою;

Прочь ни на миг от глаз не отбежит,
И я не раз собирался в путь обратный —
Так зверь вперед мне двигаться претит.

Час ранний был, час утренний, приятный,
И солнце вверх в сопутстве звезд текло:
Так в первый день по воле благодатной

Прекрасное создание пошло.
Кружился барс в пестреющей одежде:
Погода, час — мою все душу жгло,

И кожу взять в корысть я был в надежде;
Но вдруг меня, явившись, напугал
Огромный лев, каких не видел прежде;

Он на меня, казалось, наступал,
Подъяв главу, и яростный и гладный,
И воздух весь от рыка трепетал.

А вслед за ним волк ненасытно-жадный,
Пугающий чрезмерной худобой,
Губительный алчною безотрадной.

Толикий страх нанес он мне собой,
Столь вид его родил во мне отврата,
Что я взойти отчаялся душой.

И каково тому, кто скопит злата,
Как все терять придет ему чреда:
Тут в мыслях плач и горькая утрата;

Таким меня зверь сотворил тогда,
Помалу вспять гоня к стремнине тесной,
Где солнца луч не светит никогда.

Уж падал я, спаситель вдруг чудесный
Предстал; сперва ни слова он не рек,
От долгого молчанья бессловесный.

Узрев его в степи, пустой отвек,
Я закричал: «Спаси своим приходом,
Кто б ни был ты, хоть тень, хоть человек».

Он мне: «Я жил давно, с другим народом:
В Ломбардии был дом моих отцов,
Из Мантуи происходящих родом.

Рожден в исходе Юлия годов,
Я в Риме жил при Августе державном,
В лжеверии языческих богов.

Я был поэт и пел о муже славном,
В Авзонии воздвигшем новый град,
Когда Пергам погиб в бою неравном.

Но в муку ты зачем идешь назад?
Что не взойдешь на холм превознесенный,
К началу всех веселий и отрад?»

«Вергилий ты! источник ты священный
Высоких слов, лиющихся рекой! —
Ответил я, стыдясь, челом склоненный. —

О честь певцов, светильник их благой,
Будь благ ко мне за долгий труд, ученье,
Любовь к стихам, начертанным тобой.

Ты — пестун мой, и я — твое творенье,
Ты — вождь мой, ты мне щедро подарил
Прекрасный слог и знающих хваленье.

Зри: вот он, зверь, пред кем я отступил;
Спаси меня, мудрец, в беде толикой —
Я весь дрожу, и стынет кровь средь жил».

«Ты должен в путь идти другой, великий, —
Он отвечал, мой плач прискорбный зря,
— Чтоб избежать из сей пустыни дикой.

Сей лютый зверь, враждой ко всем горя,
На сей стезе — идущему преграда;
Век не отстал, души не уморя.

Столь вреден он, искидок гнусный ада,
Что никогда ничем не насыщен,
И после яств еще в нем боле глада.

Со многими зверьми он сопряжен,
И будет впредь, доколе пес примчится,
Кем тощий волк погибнет, загрызен, —

Тот ни землей, ни золотом не прельстится,
Премудр и благ во всех своих делах:
Между двух фельтр великий пес родится.

Спасется им погрязшая в бедах
Италия, из-за нее ж Камилла,
Нис, Эвриал и Турн легли во прах.

Из града в град его погонит сила,
Чудовище, пока запрет в аду,
Отколь его в свет зависть испустила.

Тебе добра желаю я, и жду,
Коль ты за мной пойдешь в стезю благую,
И в вечные места тебя сведу,

Услышишь скорбь отчаяния злую,
Узришь всех век страдальцев мертвецов,
Где тщетно смерть зовут они вторую;

По сем и тех, кто, скверну смыть грехов
Надеяся, в огне уж утешенье
Нашли, и ждут со временем венцов;

Но ко святым чтоб вознестись в селенье,
Душа меня достойнейшая есть:
Ей возвращу тебя во охраненье.

Небесный царь, кому я должну честь
Был слеп воздать, в град, славою венчанный,
Претит войти или другого ввесть.

Он царь везде; но там — предел избранный,
Его чертог, держава и престол:
Блажен туда им к вечности призванный!»

А я: «Поэт, Бог слышал твой глагол;
Веди ж, молю, сим богом заклиная,
Да сих спасусь и впредь грозящих зол.

Хочу узреть и дверь святого Рая,
И грешников по слову твоему,
Терпящих век вся горькая и злая».

Тут он пошел, и я вослед ему.

[Перевод П. А. Катенина]